

Международное
общественное движение

«ОБЩЕСТВЕННЫЙ
КОНТРОЛЬ ПРАВОПОРЯДКА»

Официальный сайт: www.controle-public.com

Email: odokprus.mso@gmail.com

07.02.2022 № 2212.3

На № _____ от _____

Кировский суд г. Астрахани

Дело 2-724/2022

Истец:

Сергей Владимирович Руссков,
адрес : г. Волгоград ул. Коммунистическая 34
кв. 115 индекс 400005

Эл. адрес : sr071071111@mail.ru

Представитель:

Международное Общественное Движение
«Общественный Контроль Правопорядка»
www.controle-public.com

адрес : 6, pl du Clauzel, app.3 43 000 Le Puy en
Velay FRANCE, odokprus.mso@gmail.com

Ответчик: Российская Федерация

КОММЕНТАРИЙ НА ВОЗРАЖЕНИЯ МИНИСТЕРСТВА ФИНАНСОВ РФ.

07.02.2022 истец получил Возражения Министерства финансов РФ, направленные ему 01.02.2022 обычной почтой вместо электронных средств связи как мы просили в иске. В результате не обеспечено достаточное время для формулирования своих комментариев.

1. Если Министерство Финансов РФ просит признать его ненадлежащим ответчиком, то Суду надлежит решить этот вопрос, так как в случае исключения его из ответчиков его возражения не имеют значения для рассмотрения спора с ответчиками.

Однако, у нас возникает вопрос : кто выплачивает компенсации Жертвам по решениям Европейского суда по правам человека ? В данном деле речь идет о нарушении конвенционных прав Государством, которые уже установлены Европейским судом по правам человека и по которым МинФин уже выплачивал компенсации.

2. Если же Мин Фин будет признан ответчиком, то мы делаем следующие комментарии.

Во-первых, Министерство Финансов РФ необоснованно заявляет :

*« Ссылка в исковом заявлении на правоприменительную практику ЕСПЧ основанием к удовлетворению заявленных требований **служить не может.** »*

То есть, ответчик заявляет, что постановления Европейского суда по правам человека **не имеют преюдициального значения** для российских органов власти, не подлежат исполнению.

«Частота, с которой установлены нарушения, показывает, что имеет место **увеличение одинаковых нарушений**, которые полностью соизмеримы с количеством не только отдельных событий. Такие нарушения отражают **продолжающуюся ситуацию, которая не была исправлена**, и в отношении которой тяжущиеся стороны не обладают внутригосударственным средством правовой защиты. Это увеличение нарушений соответственно **создает практику, которая не соответствует Конвенции»** (§ 18 Постановления от 28.07.99 г. по делу «А.Р. против Италии»).

- Это противоречит Постановлению Пленума Пленума ВС РФ от 27 июня 2013 г. N 21 « О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и протоколов к ней »

1. Конвенция и Протоколы к ней являются международными договорами Российской Федерации, и при их применении судам общей юрисдикции (далее - суды) необходимо учитывать разъяснения, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 года N 8 "О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия", а также в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 года N 5 "О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации".

2. Как следует из положений статьи 46 Конвенции, статьи 1 Федерального закона от 30 марта 1998 года N 54-ФЗ "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней" (далее - Федеральный закон о ратификации), правовые позиции Европейского Суда по правам человека (далее - Европейский Суд, Суд), которые содержатся в окончательных постановлениях Суда, принятых в отношении Российской Федерации, являются обязательными для судов.

С целью **эффективной защиты прав и свобод человека судами учитываются правовые позиции Европейского Суда**, изложенные в ставших окончательными постановлениях, которые приняты в отношении других государств - участников Конвенции. При

этом правовая позиция учитывается судом, если обстоятельства рассматриваемого им дела являются аналогичными обстоятельствам, ставшим предметом анализа и выводов Европейского Суда.

3. Правовые позиции Европейского Суда учитываются при применении законодательства Российской Федерации. В частности, содержание прав и свобод, предусмотренных законодательством Российской Федерации, должно определяться с учетом содержания аналогичных прав и свобод, **раскрываемого** Европейским Судом при применении Конвенции и Протоколов к ней.

Ссылка ответчика на приоритет судебной российской практики также является ложной :

*« **Многочисленная судебная практика российского правоприменения** свидетельствует о том, что судебные органы Российской Федерации в обоснование отказов в удовлетворении аналогичных требований, помимо ссылок **на вышеуказанные законодательные нормы**, указывают, что обеспеченные в соответствии с **требованиями закона** условия содержания под стражей нельзя рассматривать как бесчеловечные или унижающие достоинство, поскольку условия содержания под стражей продиктованы, прежде всего, требованиями обеспечения безопасности лиц, содержащихся под стражей, конвоя и сотрудников учреждения, **и не носят цель нарушить гражданские и иные права истца.** »*

- Постановление Пленума Пленума ВС РФ от 27 июня 2013 г. N 21 « О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и протоколов к ней »

« Обратить внимание судов на то, что законодательство Российской Федерации может предусматривать **более высокий уровень защиты прав и свобод человека** в сравнении со стандартами, гарантируемыми Конвенцией и Протоколами к ней в толковании Суда. В таких случаях судам, руководствуясь статьей 53 Конвенции, необходимо применять положения, содержащиеся в законодательстве Российской Федерации.

4. Во избежание нарушения прав и свобод человека, в том числе необоснованного их ограничения, **правовые позиции Европейского Суда учитываются при применении не только Конвенции и Протоколов к ней**, но и иных международных договоров Российской Федерации (подпункт "с" пункта 3 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года (далее - Венская конвенция). »

Очевидно, что помещение истца в клетки в судебных заседаниях не было направлено на более высокий уровень защиты ЕГО прав и свобод, но преследовало цель упрощения функций конвоя.

«...разрешение в процессе правоприменения коллизий между различными правовыми актами должно осуществляться исходя из того, какой из этих актов **предусматривает больший объем** прав и свобод граждан и устанавливает более широкие их гарантии» (абзац 5 п. 2 мот. части Определения КС № 439-О от 08.11.05 г., Постановления ЕСПЧ от 25.07.02 г. по делу «"Сов транс авто Холдинг" против Украины», от 14.10.10 г. по делу «Щекин против Украины», от 07.07.11 г. по делу «Серков против Украины», от 24.11.11 г. по делу «Загородный против Украины»).

Помещение его в клетки в СИЗО вообще не преследовало никаких законных целей, кроме цели запугивания, унижения.

Поэтому ссылка на судебную практику российских судов в ущерб практике ЕСПЧ лишена правовой основы.

Во-вторых, в Возражениях ответчика не указаны **законодательные нормы**, которые позволяют необоснованно помещать всех обвиняемых и подсудимых, находящихся под стражей, в клетки, аквариумы и за специальные заграждения, **подчеркивая их опасность**. Вместо **законодательных норм** он ссылается на ведомственные акты :

- *Наставления по служебной деятельности изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел, подразделений охраны, и конвоирования подозреваемых и обвиняемых, утвержденного приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 7 марта 2006 №140-дсп.*
- *Свод правил « Здания судов общей юрисдикции. Правила проектирования »*

Эти документы должны соответствовать федеральным законам. Поэтому ответчику надлежало сослаться именно на исходный закон, который регламентирует помещение ВСЕХ подозреваемых, обвиняемых и подсудимых, находящихся под стражей, в клетки, аквариумы, за заграждения **по факту нахождения под стражей**. Такой закон не назван.

Наставления МВД, к тому же «для служебного пользования», вообще не могут являться доказательством не нарушения прав истца, гарантированных ему ст.3 , 6-2 Конвенции и ст. 7, 9, 14-2 УПК РФ. Более того, ответчик не может на них ссылаться по факту их не опубликования для всеобщего обозрения.

В соответствии с **ч. 3 ст. 15** Конституции РФ все законы, а также любые нормативные акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, должны быть официально опубликованы для всеобщего сведения, то есть обнародованы. **Неопубликованные нормативные правовые акты не применяются, не влекут правовых последствий**

как не вступившие в силу. Официальное опубликование является конституционной гарантией прав граждан. Государство не может требовать от граждан соблюдения законов, содержание которых не доведено до их сведения.

«При определении того, выполнило ли государство-ответчик **свое позитивное обязательство**, Европейский Суд **должен изучить** конкретные обстоятельства дела с учетом, помимо прочего, **соответствия действий или бездействия властей требованиям внутригосударственного законодательства**, процесса принятия решений в стране (...)» (§ 101 Постановления от 24.07.14 г. по делу «Бринкэт и другие против Мальты»).

В третьих, организация в зданиях судов заграждений с целью обеспечения безопасности не является предметом данного иска. Речь в иске идет о том, что истец и инкриминированное ему преступление по ст.159 УК РФ не требовало обеспечения безопасности в такой степени как помещение его в клетку в залах судов или в СИЗО, в том числе, для участия посредством видеоконференц-связи.

В четвертых, подан иск и в нем приведены конкретные доводы о необоснованности применявшихся мер и нарушении ими конституционных и конвенционных прав истца. В процессуальные обязанности ответчика входит опровержение доводов истца, а не рассуждения на свободную тему. Опровержений доводов иска в Возражениях нет. Следовательно, они необоснованные.

«... потерпевшая сторона может рассчитывать на конкретный и ясный ответ на те доводы, которые являются решающими для результатов рассматриваемого разбирательства (...)» (§ 25 Постановления от 12.04.16 г. по делу «Pleş v. România»).

В пятых, следующий довод ответчика является также необоснованным :

«При решении вопроса о взыскании компенсации морального вреда, причиненного действиями должностных лиц, необходимо учитывать, что **незаконность действий государственных органов, должностных лиц устанавливается в предусмотренном законом порядке: вступившими в силу решениями суда или актами государственных органов.** Истцом не представлено доказательств, подтверждающих, что условия содержания его во время судебных заседаний **признаны в установленном законом порядке незаконными и нарушающими его права.** Причинение истцу морального вреда действиями государственных органов, их должностных лиц, равно как и **противоправность самих действий, ничем не подтверждены**, в то время как установленные ст. ст. 131, 132 ГПК РФ требования к содержанию искового заявления, а также необходимость представления документов, приложенных к исковому заявлению в обоснование заявленных требований призваны содействовать выполнению задач гражданского судопроизводства по **правильному рассмотрению и разрешению**

гражданских дел, а также направлены на соблюдение требований закона об осуществлении правосудия на основе состязательности и равноправия сторон, создания условий для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств дела и правильного применения законодательства. »

Пленума Пленума ВС РФ от 27 июня 2013 г. N 21 « О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и протоколов к ней »

9. В соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, положениями статей 1, 34 Конвенции в толковании Европейского Суда с целью восстановления нарушенных прав и свобод человека **суду необходимо установить наличие факта нарушения этих прав и свобод, отразив указанное обстоятельство в судебном акте.** Причиненные таким нарушением материальный ущерб и (или) моральный вред подлежат возмещению в установленном законом порядке.

При определении размера денежной компенсации морального вреда суды могут принимать во внимание размер справедливой компенсации в части взыскания морального вреда, присуждаемой Европейским Судом за аналогичное нарушение.

То есть истец обратился в суд с иском именно с целью установить **противоправность** действий, то есть факт нарушения ими прав и свобод, за что должно быть начислена компенсация.

«В то же время средство правовой защиты, гарантированное статьей 13 Конвенции, должно быть эффективным как в **законодательстве, так и на практике**, в том смысле, что оно либо **препятствует** предполагаемому нарушению или его **продолжению**, либо обеспечивает адекватное **возмещение за любое нарушение, которое уже имело место (...)**» (§ 89 Постановления от 08.10.15 г. по делу «Сергей Денисов против РФ»)

«Что касается вопроса о наличии у заявителя статуса **жертвы нарушения Конвенции**,.. для утраты заявителем этого статуса государство должно **признать нарушение его прав и предоставить адекватное возмещение (...)**. В данном случае Европейский Суд отмечает, что решение от 20 декабря 2005 г. возместило инфляционные потери заявителя, но не возместило материальный ущерб или моральный вред в связи с неисполнением. Таким образом, адекватное возмещение не было предоставлено» (§ 22 Постановления от 24.07.08 г. по делу Кукало против РФ (№ 2)»)

«... **целью** возложения гражданско-правовой обязанности **возместить вред** в отличие от цели уголовной ответственности являлась в первую очередь **компенсация вреда** и страданий,

причиненных потерпевшему. ...» (§ 39 Постановления от 11.02.03 г. по делу «Ringvold v. Norway»).

« В принципе пункт 1 статьи 6 Конвенции **требует**, чтобы жалоба была "полностью подсудна" суду, то есть, чтобы **у суда было право рассматривать все вопросы факта и вопросы права, имеющие отношение к вынесенному на его рассмотрение спору (...).** Это, в частности, означает, что у суда **должна** быть возможность **подробно изучить доводы каждого участника разбирательства по существу** дела, **не отказываясь от их рассмотрения и мотивируя свой отказ принять их во внимание.** Если говорить об обстоятельствах дела, то у суда **должна** быть **возможность обсуждать те факты, которые занимают центральное место в рассуждениях участника разбирательства (...)**» (§ 128 Постановления от 21.06.16 г. по делу «Al-Dulimi and Montana Management Inc. v. Switzerland»).

«Что касается довода ответчиков о том, что их вина не была предварительно установлена постановлением суда, городской суд отметил, что **наличие такого постановления не является необходимым условием для применения статьи 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации и что незаконность действий сотрудника государственных органов следует устанавливать на основе фактических обстоятельств каждого гражданского дела, рассматриваемого судом.**» (§ 19 Постановления ЕСПЧ от 07.11.2017 "Дело "Бамбаев (Bambayev) против Российской Федерации" (жалоба N 19816/09))

«... Судами не учтено, что при рассмотрении дела **суд обязан исследовать по существу все фактические обстоятельства с учетом доводов и возражений сторон** спора и **не вправе** ограничиваться установлением **формальных** условий применения нормы. Иное приводило бы к тому, что **право на справедливую, компетентную, полную и эффективную** судебную защиту, **закрепленное** в статье 8 Всеобщей декларации прав человека, пункте 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, пункте 1 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, а также в части 1 статьи 46 Конституции РФ, **оказывалось бы существенно ущемленным. ...»** (Определение Верховного Суда РФ от 20.08.18 г. по делу № 127-КГ18-17, тот же смысл в Определениях Верховного Суда РФ от 15.04.19 по делу № 81-КГ19-1, от 22.04.19 по делу № 43-КГ19-2, от 13.05.19 по делу № 69-КГ19-4, от 02.09.19 по делу № 41-КГ19-10, от 16.09.19 по делу № 75-КГ19-5, от 30.09.19 по делам № 3-КГ19-4, № 11-КГ19-13, от 21.10.19 по делам № 78-КГ19-30, № 78-КГ19-33, от 25.11.19 по делу № 20-КГ19-10, от 13.01.20 по делу № 18-КГ19-145, Определении Первого кассационного суда общей юрисдикции от 12.11.20 по делу № 88-23811/2020 и т.п.).

Постановление Конституционного суда от 26 октября 2021 г. N 45-П :

« 5. Гарантируя охрану законом прав лиц, потерпевших от преступлений, Конституция Российской Федерации не определяет, в какой именно процедуре должен обеспечиваться доступ потерпевших к правосудию в целях защиты их прав и законных интересов и компенсации причиненного им ущерба. Решение этого вопроса возлагается на федерального законодателя, который, в свою очередь, вправе устанавливать различный порядок защиты прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений, - как в рамках уголовного судопроизводства (посредством гражданского иска в уголовном деле), так и путем искового производства по гражданскому делу с помощью гражданско-правовых инструментов возмещения вреда. Однако конституционно важно при этом, чтобы доступ потерпевшего к правосудию был реальным и обеспечивал ему эффективное восстановление в правах (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 25 июня 2013 года N 14-П, от 11 ноября 2014 года N 28-П и др.).

(...) При этом названный Кодекс установил, что по иску потерпевшего о возмещении в денежном выражении причиненного ему морального вреда размер возмещения определяется судом при рассмотрении уголовного дела или в порядке гражданского судопроизводства (часть четвертая статьи 42), тем самым прямо допуская возможность предъявления потерпевшим отдельного иска о компенсации морального вреда, причиненного ему преступлением, в порядке, предусмотренном гражданским процессуальным законодательством.

6. (...) Моральный вред может заключаться в нравственных переживаниях в связи (...) невозможностью продолжать активную общественную жизнь, (...), временным ограничением или лишением каких-либо прав, (...) и др. (пункт 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 года N 10 "Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда").

7. Установленный действующим законодательством механизм защиты личных неимущественных прав и нематериальных благ, предоставляя гражданам возможность самостоятельно выбирать адекватные способы судебной защиты, не освобождает их, по общему правилу, от бремени доказывания самого факта причинения морального вреда и обоснования размера денежной компенсации.

(...) Иной же подход к решению вопроса о компенсации морального вреда, причиненного потерпевшему от преступления против собственности, не только снижал бы уровень конституционно-правовой защищенности потерпевших от преступлений, предопределяемый сложившимся в правовом государстве конституционным правопорядком, но и создавал бы в системе действующего правового регулирования, призванного обеспечить приоритетную защиту конституционно значимых ценностей (в первую очередь - самого человека, его прав и свобод, а также достоинства личности), необоснованные препятствия для применения гарантий реализации прав потерпевших от преступлений, что не

отвечало бы требованиям справедливости и не согласовывалось бы со [статьями 2, 21 \(часть 1\), 45 \(часть 1\), 46 \(часть 1\), 52 и 56 \(часть 3\) Конституции Российской Федерации](#).

При этом правило использования эффективных средств правовой защиты

«... не применяется в случае, если было установлено, что применение указанных средств защиты **неоправданно затягивается** или **вряд ли окажет эффективную помощь** (...)» (п. 6.2 [Решения КПП от 26.07.19 г. по делу «V.P. v. Russia»](#)).

«основная проблема заключалась не в теоретической доступности средств правовой защиты в национальном праве, а, скорее, в **произвольном** применении закона нижестоящими судами и, как следствие, **лишение жертвы эффективных внутренних средствах правовой защиты**» ([§ 149 Постановления от 12.06.2008 по делу «Власов против РФ»](#)).

Ответчик не разъяснил в каком ином судебном порядке эффективно установить в РФ нарушение прав истца, защищаемых [статьями 3, 6-2 ЕКПЧ](#), а также не доказал, что такое средство более эффективно, чем исковое компенсаторное производство.

Таким образом, [статьи 15, 16, 151 ГК РФ](#), [статьи ст. 6, 13, 14, 17 ЕКПЧ](#), п. 1 протокола 1 к указанной Конвенции, [ст. 2, 5, 14, 26 Международного пакта о гражданских и политических правах](#), [ст. 21, 45, 46, 52, 53, 55, 56, 120 Конституции РФ](#), Декларации о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы, Основным принципам и руководящим положениям, касающимся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права **должны быть применены** судом.

«принцип верховенства права, **лежащий в основе Конвенции**, а также **принцип законности** ... требуют от государств не только соблюдать и **последовательно применять принятые ими законы** так, **чтобы можно было предусмотреть последствия их применения**, но и вдобавок к этой **обязанности** обеспечивать в праве и на практике **условия для их применения**» ([§ 184 Постановления БП от 22.06.2004 по делу «Брониовский против Польши»](#)).

«... суд должен руководствоваться **не формальными соображениями** и основаниями для отказа в удовлетворении иска, а исходить из **мотивов, связанных с оценкой существа самого спорного права**, и принимать во внимание **все обстоятельства**, имеющие значение для правильного разрешения дела. Нарушение этих требований повлекло за собой вынесение судебных постановлений, не отвечающих требованиям [статей 195 и 198 ГПК РФ](#). (...)» ([Определение Верховного Суда РФ от 26.08.2014 по делу № 4-КГ14-16](#)).

«Лица, заявляющие о **нарушениях со стороны государства** в других областях, **обычно имеют право подать иск о возмещении ущерба** в судебном порядке. ... Прецедентная практика Европейского Суда... содержит **очень четкое правило** о том, что **средство правовой защиты не должно существовать лишь теоретически**» (§ 243 доклада, посвященного демократическому надзору за деятельностью служб безопасности, принятом Венецианской комиссией на 71-м пленарном заседании (г. Венеция, 1 - 2 июня 2007 г.) (CDL-AD(2007)016-e), § 83 Постановления от 12.01.16 г. по делу «Szabo and Vissy v. Hungary»).

« (...) выбор **одного из способов защиты** гражданских прав, предусмотренных ст. 12 ГК РФ, принадлежит не суду, а истцу, который указал в исковом заявлении избранный им **способ защиты** своего права, **соответствующий указанной статье**. Суд дал оценку избранному истцом способу защиты своего права и обоснованно удовлетворил заявленное требование». (Определение Верховного Суда РФ от 17.08.98 по делу № 4-В98-7)

«в случае наличия нескольких средств судебной защиты, которыми человек может воспользоваться, он **имеет право выбирать то, которое соответствует его основной проблеме**». (§ 103 Постановления ЕСПЧ от 15.10.15 по делу «Л.М. против России»)

В шестых, согласно п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 года № 2 **обязанность** по доказыванию законности оспариваемых решений, действий (бездействия) **возлагаются на орган, принявший** оспариваемые решения или совершивший оспариваемые действия (бездействие). Следовательно, ответчики должны доказывать не нарушение ими конвенционных прав истца.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации" :

«Отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство (пункт 2 статьи 401 ГК РФ). По общему правилу лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, **если докажет, что вред причинен не по его вине** (пункт 2 статьи 1064 ГК РФ). Бремя доказывания своей невиновности лежит на лице, нарушившем обязательство или причинившем вред. Вина в нарушении обязательства или в причинении вреда **предполагается, пока не доказано обратное**.

Если лицо несет ответственность за нарушение обязательства или за причинение вреда независимо от вины, то на него возлагается **бремя доказывания обстоятельств, являющихся основанием для освобождения от такой ответственности** (например, пункт 3 статьи 401, пункт 1 статьи 1079 ГК РФ).»

«Европейский Суд полагает, что использованный российскими судами

способ толкования и применения соответствующих правовых норм ГПК РФ лишил заявителя возможности предпринять какие-либо **действия по получению компенсации за вред**, причиненный государственными органами, и не предоставил ему никаких эффективных средств правовой защиты (...). (§ 84 Постановления от 25.11.10 г. «Роман Карасев против Российской Федерации»)

Как следует из Возражений МФ РФ **председательствующий в судебном заседании** принимает решение о **размещении** в зале суда подсудимых :

« Согласно п. 307 Наставления по служебной деятельности изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел, подразделений охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых, утвержденного приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 7 марта 2006 г. N 140-дсп, в зале судебного заседания подозреваемые и обвиняемые размещаются за барьером (защитным ограждением) на скамьях в порядке, определяемом председательствующим в судебном заседании. При этом доставка подозреваемых и обвиняемых в необорудованные барьерами (защитными ограждениями) залы судебных заседаний запрещена»

То есть наличие в зале суда барьера (защитного ограждения) не указывает на то, что они являются клетками.

Запрет доставки в судебные заседания лиц, находящихся под стражей, в случае их не оборудования барьерами, следует лишь из Наставления МВД, но не из какого -либо федерального закона.

Сам Приказ « дсп » датирован **7 марта 2006** года и давно подлежит корректировке с учетом позиций Европейского суда по правам человека и Комитета по правам человека ООН, датированных в последующие периоды.

- Решение Верховного Суда РФ от 20.08.2019 N АКПИ19-446 *«Об оставлении без удовлетворения заявления о признании частично недействующим Наставления по служебной деятельности изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел, подразделений охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых, утв. приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 07.03.2006 N 140-дсп»* :

*« Аникеев В.В. обратился в Верховный Суд Российской Федерации с административным иском заявлением об оспаривании Наставления в части, устанавливающей требование по оборудованию залов судебных заседаний стеклянными защитными кабинами, а также предусматривающей содержание в них подсудимых в ходе судебного заседания при рассмотрении уголовного дела по существу, **ссылаясь на то, что оно противоречит Конвенции о защите прав человека и основных свобод** (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.),*

Международному пакту о гражданских и политических правах (принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН), Конституции Российской Федерации, положениям уголовно-процессуального закона и нарушает его права и свободы.(...)

Вопреки доводам административного истца **Наставление не содержит норм, устанавливающих требования по оборудованию залов судебных заседаний стеклянными защитными кабинами и предусматривающих содержание в них подсудимых**, и не определяет технические характеристики кабин. Пункт 307 Наставления содержит предписание о том, что в зале судебного заседания подозреваемые и обвиняемые размещаются **за барьером (защитным ограждением) на скамьях в порядке, определяемом председательствующим в судебном заседании** (абзац первый).

Данная норма не противоречит нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу, и не нарушает права и законные интересы административного истца.

Частью 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации установлено, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

... Содержание под стражей осуществляется в соответствии с принципами законности, справедливости, **презумпции невиновности, равенства всех граждан перед законом, гуманизма, уважения человеческого достоинства**, в соответствии с [Конституцией](#) Российской Федерации, **принципами и нормами международного права**, а также международными договорами Российской Федерации и не должно сопровождаться пытками, **иными действиями, имеющими целью** причинение физических или нравственных страданий подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений, содержащимся под стражей ([статья 4](#) Федерального закона от 15 июля 1995 г. N 103-ФЗ).

... Европейский Суд по правам человека в постановлении от 4 октября 2016 г. "Дело "Ярослав Белоусов (Yaroslav Belousov) против Российской Федерации", рассматривая вопрос условий содержания заявителя в залах судебных заседаний, в пунктах 124 и 125 указал, что стеклянные кабины не выглядят так жестко, как металлические клетки, и отметил, что стеклянные сооружения используются в залах судебных заседаний в других государствах-участниках, и согласился с властями Российской Федерации в том, что содержание подсудимых за стеклянными перегородками или в стеклянных кабинах само по себе не предполагает унижения, **достаточного для того, чтобы достичь минимального уровня жестокости, как при содержании в металлических клетках.**

<https://legalacts.ru/sud/reshenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-20082019-n-akpi19-446/>

Итак, размещение в **металлических клетках** достигает минимального уровня жестокости для признания нарушения статьи 3 ЕКПЧ, что носит преюдициальный характер.

Также не имеет никакой разумной цели кроме унижения и запугивания размещение обвиняемых **в клетках в СИЗО** как при следственных действиях, так и при участии в судебных заседаниях посредством видеоконференцсвязи.

Опровергающих доводов данный ответчик не привел НИКАКИХ.

Вывод : судьи обязаны размещать подсудимых **вне клеток или аквариумов**, основываясь на уважении человеческого достоинства, степени и виду общественной опасности, учитывая конкретные фактические обстоятельства в каждом случае, основываясь на материалах уголовного дела и инкриминируемых статьях уголовного кодекса. Только таким образом могут достигаться законность, пропорциональность применяемых мер.

Федеральный закон УПК РФ **не предусматривает** помещение подсудимых в зале суда в клетки, в аквариумы, но запрещает осуществление любых действий и принятие любых решений, унижающих честь участника уголовного судопроизводства, обращение, унижающее его человеческое достоинство (ст.9 УПК РФ), **а также нарушающих принцип презумпции невиновности** (ст.14 УПК РФ)

« Таким образом, ни одно положение внутреннего **законодательства** не должно толковаться и применяться таким образом, который **несовместим с обязательствами государства по Конвенции (...)** » (§ 59 Постановления ЕСПЧ от 13.11.2018 по делу «Zhang v. Ukraine»).

А нарушение этого принципа подтверждает ответчик МинФин РФ своими возражениями :

*« При этом, факт нахождения истца в металлической клетке **в процессе судебного разбирательства** не может являться самостоятельным основанием для взыскания денежной компенсации морального вреда, поскольку неудобства, **которые истец мог претерпевать неразрывно связаны с привлечением его к уголовной ответственности за совершение преступления.** »*

Именно так считали ВСЕ судьи во всех судебных заседаниях : Руссков должен находиться в клетке, потому что **он совершил преступление**. Отсутствие беспристрастности суда в случае помещения в клетку подсудимого доказано представителем МинФина.

В седьмых, когда дело доходит до Европейского суда по правам человека, то Российская сторона сама предлагает урегулировать спор выплатой жертве компенсации за помещение в клетки в зале суда. То есть позиция представителя МинФина **противоречит** позиции российской стороны в Европейском суде по правам человека. Но на российские власти возложена обязанность предоставлять средство защиты на национальном уровне и не доводить очевидные нарушения до Европейского суда, захлебывающегося от жалоб Жертв.

«... решений или мер, благоприятных для заявителя, в принципе недостаточно для того, чтобы он лишился статуса жертвы, если только внутригосударственные власти не признали, прямо или по существу, **факт нарушения Конвенции и не компенсировали потом причиненный этим нарушением вред (...)** (§ 105 Постановления от 15.09.15 г. по делу «Шишанов против Молдовы»)...

утрата статуса жертвы зависит, в частности, от **характера права, на нарушение которого жалуется заявитель**, и от того, как мотивировано решение (...), и от того, **остаются ли неблагоприятные для заявителя последствия после принятия этого решения (...)**. Таким образом, наличие у заявителя статуса жертвы может зависеть от того, как был **устранен на внутригосударственном уровне вред, причиненный ему ситуацией, на которую он жалуется ...** Надлежащий и достаточный характер мер **по устранению причиненного заявителю ущерба** зависит от всех обстоятельств дела в совокупности, в частности, **от характера нарушения Конвенции (...)**» (§ 106 там же)

3. В связи с произведенной работой по подготовке данных комментариев просим взыскать в пользу представителя дополнительно к заявленной сумме 200 евро х 4 часа = 800 евро в рублях по курсу ЦБ на день принятия решения.

Председатель МОД ОКП

Иванова И. А.

